

Дверь и порог дома – место перехода из защищенного пространства в незащищенное – также обладают богатой символикой и обрядовостью. Каждая деталь дома наделяется своим символическим значением: так, окна уподобляются глазам, а наличники и ставни завершают это уподобление.

Стены и крыша – символы основной, т. е. защитной функции дома, в связи с чем они часто служат синонимами понятия «дом» (например, в таких выражениях, как «иметь крышу над головой» или «сидеть в четырех стенах»). Чердак – буферное пространство, заполненное «отжившими» вещами, которые уже утратили свое значение и не нуждаются в защите. В противоположность чердаку, подвал и погреб – места усиленной защиты, хранилища запасов и тайн; их символика близка символике пещеры.

Разделение между служебными и жилыми помещениями, особенно тщательно соблюдаемое в европейской культуре (в частности, всеобщая нелюбовь к кухонным запахам, проникающим в комнаты), напоминает об одной из основных особенностей этой культуры – разграничении возвышенного и земного, плотского и духовного. В доме есть гостевая комната, которая является гордостью всей семьи. Здесь выставлены дорогие картины и сувениры. Вся обстановка отражает уровень образованности и степень современности семьи, ее вкус, степень вестернизации. Например, дом, где гости сидят на коврах, отличается от дома, где гости сидят на диванах и в креслах. Так буквально во всем проявляется отношение к модернити.

Наличие в доме двух лестниц – парадной и «черной» – знак социального разграничения входящих. И весьма символично, что рабочие и крестьяне, совершившие социалистическую революцию, так и не научились ходить через парадные двери, но наделили «черный вход функциями парадного».

Таким образом, богатая символика дома обладает внутренним единством и непротиворечивостью.

Дом – защищенное место, центр родовой вселенной, прирученный Космос. Но существуют и дома, которые не являются Домом; «ложность» этих домов подчеркивается различными эпитетами. Таковы «желтый дом» (иначе говоря «дом скорби»), «казенный дом» и, наконец, «вечный дом» из четырех досок – место упокоения и забвения.

В традиционном обществе, классическим образцом которого является Арабский Восток, гостя принимают в официальном салоне, в официальной, максимально формальной, во многом ритуализированной обстановке.

По данным включенного наблюдения, которое автор вел в течение 15 лет, во время посещения комнат в общежитии, где проживают иностранные студенты, хозяева пытаются организовать свое социальное пространство в соответствии со своими социокультурными нормами. Даже в одной комнате в общежитии всегда выделена более формализованная, устроенная в официальном стиле часть, предназначенная для приема гостя.

В традиционной культуре самых разных народов прием гостя в высокой степени ритуализирован. Институт гостеприимства существовал в очень сходной форме у самых разных народов мира: у древних германцев и евреев, у австралийцев и арабов, индейцев и народов Севера. Поразительные совпадения в ритуале гостеприимства у народов, удаленных друг от друга во времени и пространстве, конечно, не могут быть случайными. Они говорят об устойчивости психологических структур ритуала, его семантических мотивациях. Развитые формы гостеприимства рассчитаны на человека, прибывшего издалека, незнакомого или малознакомого [3, с. 179], а наиболее простые, зачаточные формы наблюдаются при приеме хорошо знакомого гостя, возможно соседа или родственника. Классической страной гостеприимства считается Кавказ, где сохраняется высокоритуализированная рыцарская культура [4, с. 115], а также некоторые архаические элементы быта.

Ритуал гостеприимства организован таким образом, чтобы полностью подчинить гостя своему сценарию, вне зависимости от того, кем именно он является. Бог, враг или просто путник будут приняты примерно одинаково, хотя с разной степенью почета.

Таким образом, дом является интегрированным выражением ценностей и жизненных смыслов каждого члена семьи, определенным выражением их статусно-ролевых позиций с учетом национально-этнической специфики и ментальных особенностей.

Литература

1. Condon J. & Youself F. Sntroduction to Intercultural Communication, 1957.
2. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
3. Овчинников В. Сакура и Дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах. М., 1983.
4. Байдурин А.К., Топорков А.К. У истоков этикета. Этнографические очерки. – Ленинград: Наука, 1990.
5. Бгажноков Б. Г. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских народов // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985.
6. Андреева В., Куклиев В., Ровнер А. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М. Локид, 2000.
7. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986.
8. Матвеев В., Панов А. В мире вежливости. О культуре и общении людей. М., 1991.
9. Смелзер Нейл. Социология. – М.: Феникс, 1998.
10. Шихирев П. Н. Социальная психология в США. – М.: Наука, 1994.

Израелян А. Г.

ДОЛГОТА/КРАТКОСТЬ СОГЛАСНОГО ЗВУКА НА МЕСТЕ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА С. ВЕРКОЛА)

В современном русском литературном языке, а также в русских говорах возможны сочетания двух одинаковых или разных согласных, требующие произношения на их месте долгого согласного звука, например: *аккуратный, аппарат, баллон, бессонница, ванна, возжжи, группа, групповод (бригадир), поддувало, притча, сезонник, малинник, расширить, отдать, подчеркивать, законный, данный, двадцать, учиться, ответте, роддом, будто*. На месте таких сочетаний в действительности может произноситься как долгий, так и краткий согласный звук.

Вопрос о долгом или кратком произношении согласного звука на месте рассматриваемых сочетаний является весьма актуальным. По этой теме имеются исследования, наиболее полные – работы М. Я. Гловинской

[1967; 1971], М. Л. Каленчук [1993], Н. А. Еськова [1966], Р. И. Аванесова [1984], Л. Л. Касаткина и М. Ч. Чой [2005]. Но исследования М. Я. Гловинской ограничивались произношением долгого/краткого согласного в словах иноязычного происхождения, кроме того, после выхода этой работы прошло почти сорок лет (два поколения). М. Л. Каленчук рассматривала эту проблематику в рамках орфоэпической системы русского языка. Все эти исследования проводились на материале русского литературного языка, и их целью, в частности, было решение орфоэпических и орфографических проблем, в том числе написания одной или двух согласных букв внутри корня, написания одного или двух **н** в суффиксах причастий и прилагательных (Н.А. Еськова) и установление реального произношения звука на месте рассматриваемых сочетаний (Л.Л. Касаткин, М.Ч. Чой).

Известно, что в современном русском языке действует тенденция к сокращению согласного звука на месте сочетаний двух согласных букв. При этом такая тенденция наблюдается не только внутри морфем, но и на их стыке [Касаткин, Чой: 2005]. Однако, подробные исследования, основанные на массовом материале русских говоров, не проводились. Именно этим определяется новизна данной работы.

Цель исследования состоит в описании того, как носители одного русского окаяющего говора (говор с. Веркола Пинежского р-на Архангельской обл.) произносят рассматриваемые сочетания согласных. Для этого необходимо установить тенденцию развития произносительной вариативности по долготе / краткости согласных и, наконец, выявить факторы, оказывающие влияние на долгое или краткое произношение согласного.

Долгий согласный может быть определен как «согласный, обладающий большей длительностью по сравнению с кратким при том же темпе речи» [Ахманова 1966: 140], или как «согласный звук, при произнесении которого дольше, чем обычно, не изменяется конфигурация артикуляционных органов, т. е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель» [Штудинер 1975: 65; 1983: 80].

Долгие согласные это:

1. долгие щелевые [ф:], [в:], [с:], [з:], [л:], [ш:], [ж:];
 2. долгие смычные, а именно: а) долгие взрывные, т. е. взрывные с долгим затвором, точнее сочетания имплозивных [1] с обычными взрывными [> пп], [> бб], [> тт], [> дд], [> кк], [> гт] [2].
 3. долгие аффрикаты, т. е. аффрикаты с долгим затвором, точнее сочетания имплозивных с аффрикатами [> тц], [> т'ч'] [3].
 4. долгие носовые [м:], [н:];
 5. долгий дрожащий [р:], а также соответствующие мягкие.
- Таким образом, долгими могут быть не только согласные звуки, которые можно тянуть (сонорные и щелевые), но и взрывные и аффрикаты, у которых продлевается только фаза смычки.
- Долгие мягкие шипящие [ш':], [ж':] также будут рассматриваться в работе, несмотря на то, что примеров, где они произносятся, не очень много.

Долгие согласные звуки могут произноситься: внутри корня, на стыке приставки и корня, на стыке корня и суффикса, на стыке основы глагола и возвратного постфикса *-ся*, на стыке основы глагола и суффикса, на стыке служебного слова со знаменательным (которые образуют одно фонетическое слово), на стыке знаменательных слов.

В русских говорах, как, впрочем, и в современном русском литературном языке (СРЛЯ), рассматриваемые сочетания согласных встречаются на стыке предлога и знаменательного слова. Но если в СРЛЯ произношение краткого согласного звука в этой позиции не отмечено, например, *[вад'э] = в воде, то в говоре с. Веркола зафиксированы случаи произношения краткого согласного на стыке служебного слова с полнозначным.

Чтобы выяснить статистическое соотношение вариантов произношения, необходимо собрать массовый материал. К сожалению, в русских говорах, интересующие нас сочетания согласных встречаются реже, чем в литературном языке, но собранного материала достаточно, чтобы подтвердить существование тенденции к сокращению долгого согласного звука на месте сочетаний двух согласных в русских говорах. Речь информантов в значительной мере естественна, поскольку говорящие не знают о том, что их речь специально наблюдается и станет объектом исследования. Они не читали текстов, составляемых специально для эксперимента, в которых встречались бы нужные нам слова с долгими согласными, а говорили (спонтанная речь), так что графический облик слова не оказывал на них какого-либо воздействия. Это особенно важно для такой вариативности произношения, как долгий или краткий согласный, так как влияние орфографии на произношение долгого / краткого согласного в этих словах велико. Кроме того, сбор материала из естественной речи делает возможным выяснить реальное состояние данной произносительной вариативности в самых частотных примерах, а не в редко встречающихся или искусственно составляемых словах. К достоинствам этого метода исследования можно отнести и то, что все примеры были записаны вместе с контекстами, что дает нам возможность анализировать произношение сочетаний согласных не в изолированных словах, а во фразе.

Необходимо учитывать, что естественная речь может протекать в разных условиях: в разном темпе, на разном эмоциональном фоне, с разной степенью непринужденности ситуации общения. Поэтому как отдельные факторы, влияющие на произношение, рассматривались разные ситуации протекания речи: темп, степень подготовленности и др.

Интересующие нас слова были «вырезаны» из общего потока речи и переписаны на отдельный аудионоситель. Всего было записано более ста пятидесяти разных слов. Заметим, что словоупотреблений в несколько раз больше, поскольку одно и то же слово встречалось в среднем 4-5 раз.

После того, как были проведены все эксперименты и измерена длительность согласных звуков, встречающихся на месте сочетаний двух (иногда и более) согласных, нами были получены следующие результаты:

1. Внутри морфем (главным образом корня) имеется тенденция к сокращению долготы согласного звука на месте сочетаний согласных. Однако это сокращение происходит не во всех позициях. Самым сильным фактором,

влияющим на долгое/краткое произношение согласного звука, является ударение. Позиция перед ударным гласным и после него наиболее благоприятна для сохранения долготы согласного звука. Например, [кас:а], [кас:úr], [тón:а], [групп:а] (но: [групповód] и [групп:овód], [м'ил'ион'ёр]). Правда, встречаются случаи сокращения согласного звука и в этих позициях: [арт'ил'ёр'ија], [рос'úја], *семь* [клáсоф] *кончил*, [т'ил'епогра́мэ], Слабые же позиции с точки зрения долготы / краткости согласного звука – это главным образом позиция на конце слова и между безударными гласными, [тón] = тонн, [апарát], [акура́тно], [смолокúр'еный] *заво́д* и т. п.

2. На стыке морфем, особенно в тех случаях, когда согласный звук находится между гласными, один из которых ударный, долгота сохраняется намного чаще, чем внутри морфем: [с'езón'ик'и], [ц'угún'ик] = чугу́нник, [од:áт'], [д'ед:óm]. Следует отметить, что долгота согласного звука чаще сохраняется на стыке корня и суффикса, особенно в случаях с *-н-* [кón'ицэ], [звón'цэ], [б'етón:аја]. В подавляющем большинстве случаев в этой позиции произносились долгие согласные звуки.

3. В некоторых случаях, когда предлог и знаменательное слово образуют одно фонетическое слово на месте долгого звука произносится краткий, т. е. наблюдается стяжение согласных звуков (особенно [в], [ф]) [ва́л'енкэх] = в валенках, [вајnú] = в войну, [была́ фэзэб] = в ФЗО. Правда, таких примеров не очень много. Но думается, что случаи с произношением краткого согласного звука в этой позиции нельзя отнести к случайным.

После исследования долготы/краткости согласного звука на месте согласных в произношении жителей с. Веркола стало возможным сделать следующие выводы:

– в данном говоре имеется некая тенденция к сокращению долготы согласного звука, при этом такая тенденция наблюдается преимущественно внутри морфем.

– самыми сильными факторами, влияющими на долгое или краткое произношение согласного, являются:

1. положение сочетания согласных на стыке или внутри морфем;
2. позиция сочетания согласных по отношению к ударному гласному;
3. положение сочетания согласных рядом с другими согласными.

Возможно, такое положение дел объясняется тем, что в русском языке фонетические процессы по-разному протекают внутри корня и на стыке приставки и корня (корня и суффикса). Вероятно, некоторые процессы начинаются внутри морфем, а позднее они происходят и на их стыке.

Примечания

¹ Л. Л. Касаткин. Фонетика современного русского литературного языка. – М., 2003. Я. К. Грот. Заметки, о сущности некоторых звуков русского языка // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания: (1852-1892). – СПб., 1899. – С. 249-262. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979. – С. 125. О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 174.

² В. И. Чернышев. Удлинение звуков *т* и *д* в русском языке // Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М., 1970. – С. 177-178, 182-183.

³ Л. И. Жирков. Лингвистический словарь. 2-е изд. – М., 1946. – С. 35. М. А. Штудинер. Фонетическая характеристика сербского языка на фоне других славянских языков (судьба долгих согласных в сербском языке) // Сборник матице српске за славистику. – Београд, 1993. – С. 131.

Литература

1. Аванесов 1984 – П. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.
2. Ахманова 1966 – О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Гловинская 1967 – М. Я. Гловинская. Фонологическая подсистема редких слов в современном русском литературном языке (на материале заимствований): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967.
4. Грот 1899 – Я. К. Грот. Заметки, о сущности некоторых звуков русского языка // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания: (1852-1892). – СПб., 1899. – С. 249-262.
5. Еськова 1966 – Н. А. Еськова. О написании *нн* – *н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи. М., 1966. – Вып. 7. – С. 122-135.
6. Жирков 1946 – Л. И. Жирков. Лингвистический словарь. 2-е изд. – М., 1946.
7. Зиндер 1979 – Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. 2-е изд. – М., 1979.
8. Каленчук 1993 – М. Л. Каленчук. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1993.
9. Касаткин 2003 – Л. Л. Касаткин. Фонетика современного русского литературного языка. – М., 2003.
10. Касаткин, Чой 2005 – Л. Л. Касаткин, М. Ч. Чой. Долгота/краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке. М.: 2005.
11. Чернышев 1970 – В. И. Чернышев. Удлинение звуков *т* и *д* в русском языке // Чернышев В. И. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М., 1970. – С. 174-193
12. Штудинер 1993 – М. А. Штудинер. Фонетическая характеристика сербского языка на фоне других славянских языков (судьба долгих согласных в сербском языке) // Сборник матице српске за славистику. Београд, 1993.

Иссерс О. С.

КОММУНИКАТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ТИПЫ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ

В коммуникативной лингвистике стало общепризнанным представление о том, что общение определяется и управляется речевыми целями коммуникантов [1-3, 7, 8 и др.]. Это позволяет считать, что любая коммуникация «стратегична», поскольку мотивируется желанием говорящего достичь посредством своих речевых действий определенных социальных результатов. В соответствии с этим осуществляется отбор языковых средств, выбираются коммуникативные ходы и приемы речевого воздействия на партнера. Коммуникация стратегична также в силу того, что находится под давлением двух постоянно действующих факторов – эффективности и социальной приемлемости. Кроме того, стратегический характер коммуникации обусловлен тем, что в процессе общения происходит постоянный мониторинг эффективности принятого плана и его корректировка. В то же время утверждение стратегической сущности любого коммуникативного акта не означает, что говорящий рефлексировал по поводу всех без исключения речевых действий. Напротив, большинство задач решается неосознанно, большая часть коммуникативных правил не формулируется в явном виде и не усваивается путем обучения. Заметим, что стратегическая коммуникация отнюдь не предопределяет успешность речевых действий: признаки стратегии можно увидеть и в коммуникативных неудачах.